

Нам надо идти путем очищения, покаяния, соединения с Богом. От соприкосновения с Богом становится легко. А дальше? Человеку легко, он доволен и говорит себе: вот и всё. Нет, братья и сестры, ничего еще не сделано. Всё дал Бог, Сын Божий, Который искупил нас. Спасение столько же принадлежит Богу, сколько и человеку, путь спасения есть процесс богочеловеческий. Я иду к Богу, как могу, а Бог меня поддержививает и ведет.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК СЕРГИЙ МЕЧЕВ

Думаю, что наша главная беда в том, что мы считаем, что исповедь есть наша обязанность лишь раз в год. А затем — поговели, стало легко, и Божественную легкость мы преступно перевертываем в простую легкость, в обычное человеческое переживание: стало легко — вот и всё, вот и хорошо.

Неужели покаяние только для того, чтобы почувствовать себя легко?

Мы должны понять, что исповедь есть то средство, которое дается Богом для нашего духовного устройства, устройства всей жизни. Иначе покаяние тщетно. Покаяние — великое таинство, а мы превращаем его в то, что является для нас радостным переживанием, и ничего больше.

Святые отцы говорят нам о том, что настоящее покаяние начинается с той минуты, как ты исповедался. Священник молится над кающимся, чтобы Господь дал ему образ покаяния: «Умилостивися о рабе Твоем <...> и подаждь ему образ покаяния». Как же так? Ведь он покался, исповедался, зачем же просить, чтобы Господь дал ему образ покаяния.

С этого момента, с момента Исповедания и отпущения грехов, а затем и соединения Святым Телом и Кровью, и начинается покаяние в жизни, истинное покаяние.

Состояние нас, христиан, есть состояние кающихся. Если мы хотим Царства Божия, то и должны быть кающимися, кающимися всю жизнь, изо дня в день, должны каждый день проверять свою совесть, а не раз в году.

Покаяние есть дело всей жизни

Святые отцы говорят, что путь христианина — это путь очищения, это путь стяжания в себе страха Божия, общения с Богом. Прежде всего я чувствую в себе страх, если я грешен, и по мере того как очищаюсь от греха, по мере того как приближаюсь к Богу и приобщаюсь к Нему, страх уменьшается, пропадает, и наконец «совершенная любовь изгоняет страх».

Каким образом мы можем идти к Богу, жить с Ним, если мы этого хотим? Святые отцы говорят, что «молитва есть пребывание и соединение человека с Богом». И вот — это самое слабое наше место.

Многих пришлось исповедовать. Спрашиваешь: «А вы молитесь?» Отвечают серьезно: «Что вы! Да у меня времени нет, я занят. Утром мне некогда, спешу на работу, а как я могу молиться вечером, когда я ослаб от трудов, падаю от усталости и сонливости». Seriously все это говорится.

Зачем же вы пришли на исповедь, зачем вы пришли в храм, если не хотите воспринять то, что дает Церковь, если благодать таинства, полученную вами как величайшую милость Божию, делаете только приятным человеческим переживанием.

Многих, которые приходили ко мне сегодня, спрашиваешь: «Сколько вы спите?» — «Часов 7-8». — «А сколько вы работаете?» — «17-18 часов». А для Бога что же? Неужели для Бога, для молитвы вы не можете уделить несколько времени? Если всё это так, то и христианство для этих людей лишь поверхностное, между прочим.

Святые отцы говорят, что надо жить в Боге, постоянно находиться с Ним в беседе и пребывать с Ним. И прежде всего — утром и вечером молиться. Как ты начнешь день, так и весь он пройдет. Утром молиться может каждый из нас, ибо у нас есть много часов для всех наших дел и десять минут можно уде-

лить Богу. «А вечером мы устали...» Конечно, трудно стать на молитву, когда мы устали, еще не наша мера молиться, когда глаза слипаются от сна. Молитесь раньше, молитесь за час, за полтора до сна, а потом сделайте ваши необходимые дела. А перед сном оставьте одну краткую молитву — «Да воскреснет Бог» или «Боже, ослаби, остави».

Но говорят еще и другое: «Как же я буду молиться без настроения, без желания. Как же я буду молиться, если я каменный?» — и этим оправдываются и даже упрекают нас, говоря: «Вы учите фарисейству».

Если мы будем честны сами с собой, то увидим, что всякое дело мы делаем то с радостью и охотой, то с утруждением и понуждением. Так со службой, так и со всяким делом. И, понудив себя, мы входим в работу, становимся хорошими работниками, хотя перед тем нас и уныние, и лень одолевали. То же и в отношении к Богу, к молитве. Мы, грешные, не можем постоянно находиться в горении, в пламенном желании быть с Богом. Не смущайтесь этим. вспомните вдовицу, которая дала две лепты. Это так мало, что мы по-мирскому швырнули бы эти две лепты: к чему они? А Христос сказал, что малый дар вдовы был больше всех, ибо она дала все, что имела. Поэтому не смущайтесь тем, что не хочется молиться, что нет покаяния. Человек не желает отдать малейшее Богу. «Покаяния несть во мне», но «даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько». «Ни слез, ниже покаяния имам, ниже умиления», — говорит творец Великого канона, но я иду и прошу у Бога: «Сам ми сия, Спасе, яко Бог даруй», «яко благоутробен, даждь ми слезы умиления». Наше обличение в этом каноне. Мы, если хотим этого умиления, должны сказать Господу: «Вот мои две лепты, помоги мне».

Из книги «Путь покаяния».

Фото предоставлено Издательством ПСТГУ